

Studia Culturae: Вып. 2 (40): Vulnus: A.B. Смирнов. С. 162-171.

A.B. СМІРНОВ

Доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПАРТИЦИПАТОРНЫЙ МУЗЕЙ КАК ПРОСТРАНСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ

Статья посвящена анализу возможностей, открывающихся при использовании партиципаторных технологий для репрезентации культурных травм. Данные стратегии позволяют использовать опыт «новой музеологии» при решении задач мемориальной политики, реализуемой при конструировании идентичностей различных типов. Культурная травма является одной из ключевых точек конструирования идентичности, вследствие чего ее интеграция в культурную память должна быть произведена с максимальной эффективностью. В статье использовано понимание партиципаторного музея, предложенное Н. Саймон, мемориальная политика рассматривается в контексте работ А. Ассман.

Ключевые слова: мемориальная политика, мемориальная культура, культурная память, новая музеология, культурная травма, «войны памяти», партиципаторный музей

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00570а «Теория культурной травмы: индивидуальный травматический опыт и опыт исторических катастроф».

A.V. SMIRNOV

Doctor of Philosophy, Associate Professor

Saint-Petersburg State University

PARTICIPATORY MUSEUM AS A SPACE FOR THE REPRESENTATION OF CULTURAL TRAUMA

This article is devoted to the analysis of the opportunities offered by the use of participatory technologies for the representation of cultural injuries. These strategies make it possible to use the experience of the “new museology” in solving the tasks of memorial policy, which is implemented in the construction of identities of various types. Cultural trauma is one of the key points in the construction of identity, as a result of which its integration into cultural memory should be carried out with maximum efficiency. The article uses the understanding of the participatory museum proposed by N. Simon, the

memorial policy is considered in the context of the works of A. Assman.

Keywords: memorial policy, memorial culture, cultural memory, new museology, cultural trauma, «wars of memory», participatory museum

Одним из перспективных направлений развития современных музеев является построение так называемого партиципаторного музея или музея-соучастия. Данное направление реализует одну из тех музейных технологий, которые появились в рамках «новой музеологии». Ключевая идея подобного проекта состоит в том, чтобы организовать и развить такую форму музейной коммуникации, когда посетители музея вносят свой вклад в формирование музейного пространства, становясь в некотором смысле его со-творцами и соорганизаторами. Принципы построения и основные технологии, применяющиеся в партиципаторном музее, были подробно описаны в одноименной книге Нины Саймон [4]. Данный проект основывается на необходимости развития новой двусторонней или даже многополярной, структуры музейной коммуникации. В рамках подобного подхода декларируется, прежде всего, равноправие посетителя музея и музейного работника. Процесс коммуникации сводится, частности, и к созданию самими посетителями новых сопровождающих текстов, расширяющих как социальный опыт аудитории, так и экспозицию самого музея, что подчеркивает двунаправленный и равноправный характер взаимодействия, организуемого в пространстве партиципаторного музея.

Появление новых музейных технологий связано с развитием современной мемориальной политики, направленной, в том числе, на репрезентацию и осмысление травматического опыта, динамично развивающейся формы осмысления прошлого. Цель данной статьи состоит в том, чтобы понять, какую роль партиципаторный музей играет в репрезентациях данного опыта (как и культурной травмы, связанной с ним), составляющих важную часть современной мемориальной политики и мемориальной культуры в целом.

В XIX веке, когда музей был объективирован в качестве самостоятельной культурной институции, его свойства определялись функцией трансляции и популяризации научно-верифицированного знания, к концу же XX века он приобрел иные черты, среди которых необходимо выделить следующие:

- коммерциализация и появление новых, чисто коммерческих, музейных проектов;
- усиление роли эмоционального впечатления как главного воздействующего фактора;
- усиление роли музея в политической и идеологической борьбе в условиях идейного плюрализма.

Обратим особое внимание на последнее свойство, поскольку оно в наибольшей степени связано с претензиями музея на решение новых задач, в частности с его использованием в мемориальной политике и в мемориально-культурном контексте в целом. Данное свойство определяет еще одну значимую сторону деятельности современного музея, а именно актуализацию ряда форм культурной памяти, при этом партиципаторные технологии, технологии соучастия, отлично справляются с повышением эффективности решения и этой задачи. Музейная коммуникация, направленная на расширение существующего и приобретение нового социального опыта, основывается, среди прочего, на использовании взаимодействующих индивидов в качестве носителей нарративов культурной памяти различных социальных групп. Регулировать взаимодействие подобных нарративов в масштабе государства призвана мемориальная политика, а музей становится одним из ее важнейших инструментов.

Мемориальная политика – это и сфера реальной, причем как внутренней, так и внешней, политики разных стран и, в то же время, мемориальная политика – сфера культуральных и политических исследований, так называемых *memory studies*. Мемориальную политику в первом приближении можно определить как последовательность целенаправленных действий по формированию того или иного образа прошлого. Музей в настоящее время представлен на разных уровнях мемориальной политики, как на уровне национальном, так и на уровне, связанном с идентичностью отдельных социальных групп.

Конструирование и поддержание идентичностей различных масштабов, от социально-групповых до национально-государственных, является значимой сферой современной мемориальной политики, при этом одной из отправных точек данной деятельности является наличие культурной травмы как пункта генезиса той или иной идентичности. Соответственно, задача репрезентации культурной травмы становится одной из актуальных задач современной музейной деятельности. В данном случае речь идет, конечно же, не о всех музеях, но о музеях, работающих с различными формами культурной памяти, то есть, прежде всего, историческими и историко-мемориальными музеями, как государственными, так и общественными.

Концепт культурной травмы («trauma») в соответствующем направлении современного гуманитарного знания («trauma studies») имеет принципиально иное содержание по сравнению с психологическим или психоаналитическим содержанием аналогичного понятия. Интерес к травме в гуманитарных исследованиях не связан с изучением процесса деформации личности или формирования субъекта, как это происходит в различных психологических дискурсах. Мы будем понимать культурную травму как

события или ситуации, присутствующие в коллективной памяти и нагруженные негативными аффектами, воспринимающиеся как нестираемые и угрожающие существованию общества (или групповой идентичности) или уничтожающие какие-либо его базовые культурные предпосылки [5]. Особо отметим, что такое понимание культурной травмы говорит о ее взаимосвязи с культурной памятью, мемориальной культурой в целом, мемориальной политикой и актуальными политическими процессами, как внешнеполитическими, так и внутриполитическими. Пережитая и осознанная культурная травма, включенная в культурную память, приобретает характер отправной точки при конструировании новых идентичностей, социально-культурных и даже национально-государственных. Соответственно, одной из важнейших задач, решаемых при конструировании новых идентичностей, является формирование их культурной памяти, при этом используется целый ряд мемориально-культурных технологий, составляющих мемориальную политику. Одним из важнейших средств формирования и сохранения культурной памяти был и остается музей, это место он занимает на протяжении более чем полуторавековой истории своего существования.

Алейда Ассман [2, с. 235] отмечает, что «культурная память отсылает к широкому спектру культурных практик по сохранению следов прошлого, включая их реактивацию посредством медийной и педагогической работы». К числу указанных практик, существенно повышающих эффективность музея как средства формирования культурной памяти, и относятся партиципаторные технологии, существенными чертами которых являются [4]:

- открытость, незавершенность, экспозиции, когда результат взаимодействия посетителя с тем или иным экспонатом становится частью экспозиции;
- ориентация музейной коммуникации, то есть взаимодействия с экспонатами, так называемыми социальными объектами, на личный опыт посетителя;
- стремление артикулировать личный опыт посетителя и поместить его в необходимый социальный, как правило, политический контекст;
- придание личному опыту, включенному в музейную коммуникацию, весомой социальной значимости.

Это и определяет возможность применения партиципаторных технологий соучастия для репрезентации культурной травмы в музейном пространстве. Именно эти черты, свойственные партиципаторному музею, используются в ходе реализации современных социально-политических музейных проектов, связанных с репрезентацией культурных травм.

Как было отмечено выше, появление и развитие концепции парти-

ципаторного музея как и новой музеологии в целом связано с изменением представлений о роли и задачах музея в современной культуре. Партиципаторный музей становится тем пространством, где пересекаются новые музейные технологии и новые тренды в мемориальной политике целого ряда современных государств. Однако он становится чем-то большим, чем традиционный мемориальный музей, он становится пространством, где разрабатываются новые формы мемориализации как отношения к прошлому [2].

Одной из таких форм становится мемориализация культурной травмы, осуществляемая в форме музеефикации травматического опыта представителей той или иной социальной группы. Данный процесс решает задачу перевода «отщепленных и бессознательных элементов травмы в сознательные формы памяти» [1, с. 99], что является частью мемориальной политики, направленной, по мнению целого ряда исследователей и общественных деятелей (например, той же А. Ассман), на преодоление опасных для современного общества последствий культурных травм прошлого. Культурный императив памяти о травмах прошлого предполагает музеефикацию как «мест памяти», связанных с получением травматического опыта, так и иных задокументированных свидетельств его носителей. Именно материальные объекты, основа и результат символических трансформаций, осуществляемых в современных мемориальных музеях, являются предпосылками и условием формирования культурной памяти. Такая работа музея, как, впрочем, и иные формы символизации памяти, позволяет формировать коммуникативную память [2] развивая сетевые структуры глобального или локальных сообществ. Именно партиципаторный музей, применяющий технологии соучастия, способен расширять сеть коммуникативного взаимодействия, расширяя круг носителей культурной памяти.

Примеры репрезентации культурных травм с применением технологий соучастия рассмотрены и в книге Н. Саймон [4], что говорит об уже сложившемся опыте взаимодействия современных музеев и мемориального дискурса. Среди основных приемов, рассмотренных Н. Саймон, мы выделим следующие:

- отождествление посетителя музея с реальным носителем травматического опыта, как это осуществлено, в частности, в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне [там же, с. 70];
- выражение готовности противодействовать возможным случаям повторения травматогенных событий в будущем («стена обещаний»), [там же, с. 268];
- проведение волонтерами, как правило, представителями локальных сообществ, индивидуальных исследований о судьбах носителей травматического опыта, результаты данных исследований могут пополнять экспо-

зицию музея [там же, с. 309 – 311];

- формирование сети коммуникативного взаимодействия путем вовлечения посетителей в обсуждение этических проблем, стоящих перед свидетелями и участниками травматогенных событий или их потомками (Музей Анны Франк, Амстердам) [там же, с. 124 – 127];

- имитация получения посетителем травматического опыта путем создания модели травматогенной ситуации (Музей Апартеида, Йоханнесбург) [там же, с. 78];

- провокационное сопоставление артефактов, связанных с нанесением и получением культурной травмы [там же, с. 202 – 203].

Фактически, при репрезентации культурной травмы большинство музеев осуществляют поиск новых форм коммеморации или встраивают свою деятельность в уже существующие, несколько расширяя их. Естественно, что поиск таких форм связан как со спецификой аудитории, так и со спецификой новых форм коммуникации, прежде всего, сетевых. Конечно же, Н. Саймон приводит примеры, направленные на «музейное» осмысление тех проблем, которые свойственны мемориальной политике США (например, проблемы межрасового взаимодействия или память о Холокосте). Политические и культурные процессы, характерные для Восточной Европы и постсоветского пространства, такие, как, например, формирование новых наций и национальных идентичностей, выпадают из сферы ее интереса. Но в основе этих процессов лежат исторические события травматогенного характера, осознаваемые сейчас в качестве причины культурной травмы, что позволяет применять опыт музейной деятельности и применения технологий соучастия в мемориальной политике целого ряда других стран. Применение партиципаторных технологий в национальных музеях восточноевропейских государств осуществляется по принципам, аналогичным описанным в книге Н. Саймон, и, отметим, что этот вопрос требует отдельного, более подробного исследования, учитывающего специфику восточноевропейских форм коммеморации.

Социальное взаимодействие в партиципаторном музее реализует задачу трансляции и актуализации культурной памяти. Но это не просто стихийная коммуникативная память, это организованная и структурированная коллективная память, возникающая под воздействием мемориальной политики государства, решающей внутри- и внешнеполитические задачи. Новый тип коммуникации организуется в музее не для того, чтобы снизить накал политических противоречий, имеющихся в обществе, но, иногда и для того, чтобы актуализировать их, напомнить в очередной раз об их существовании. По этой причине разворачивающаяся в музее коммуникация не предполагает выработку взаимоприемлемой точки зрения на травматогенные события пошлого или настоящего, но предлагает и объясняет лишь

ту точку зрения, которая считается верной организаторами музея, то есть акторами культурной (в частности, мемориальной) политики. Это позволяет поставить вопрос о том, является ли декларируемый апологетами «новой музеологии» (и партиципаторного музея в частности) отказ от патерналистской модели музея реальным или симулированным. Именно авторы музейной концепции, являющиеся проводниками мемориальной политики, имеют привилегию как на то, чтобы сформировать состав экспозиции, так и на то, чтобы организовать коммуникацию по поводу экспонатов, так называемых «социальных объектов», направляя ее в нужный контекст. Данное явление становится возможным в силу того, что концепция партиципаторного музея – это не только концепция организации экспозиции, но и концепция организации социального взаимодействия, в которой намечены пути обсуждения травматогенных событий, травматического опыта и культурной травмы в целом, пути превращения их в значимые элементы коммуникационной, а впоследствии и культурной, памяти.

Фактически, музей в условиях становления целого ряда новых идентичностей превратился в инструмент политических дискуссий, выражения политических позиций, зачастую противоречащих друг другу. Партиципаторный же музей – это не просто инструмент, это еще и место, физическое и культурное пространство для высказывания, отстаивания этих политических позиций в ходе политического или социального взаимодействия носителей новых идентичностей. «Дискурс памяти» формируется как эмансипаторный, дающий различным идентичностям право высказывания и возможность быть услышанными, в основном, тем идентичностям, которые были лишены права на речь или попросту отсутствовали как идентичности, а культурная травма зачастую становится одним из ключевых компонентов для реализации той или иной идентичностной модели. Поэтому организация пространства музейной репрезентации и пространства партиципаторной коммуникации осуществляется по тем же закономерностям, по которым травматический дискурс развивается в коммуникационном пространстве того или иного государства. Фактически, музейно-экспозиционные учреждения и в этом случае играют вспомогательную роль, осуществляя дискурсивно-коммуникационную поддержку мемориально-политических проектов. Таким образом, современные исторические и мемориальные музеи не могут оставаться в стороне от подобных дискуссий и вынуждены выступать в качестве пространства борьбы, которая в среде историков и специалистов по мемориальной культуре обозначается термином «Войны памяти» [3].

В результате, при таком подходе деятельность музея в значительной степени утрачивает научную легитимацию, а его социальная функция приобретает не только идеологическую, но политическую значимость, стано-

ваясь инструментом борьбы за то или иное понимание прошлого. Понижение «порога академичности» при создании концепции экспозиции приводит к тому, что научная дискуссия в пространстве музея, как и в иных академических пространствах, принимает характер дискуссии этической или политической. Это неизбежное следствие отказа музея от идеалов строгой научности в пользу эффективного воздействия на впечатления посетителя ради поставленной политической задачи.

Разговор о снижении порога академичности в деятельности современных мемориальных или исторических музеев и иных учреждений вовсе не случаен. В целом ряде стран, например в Польше, подобная деятельность координируется Институтом национальной памяти, политическим учреждением, решающим научные, юридические, просветительские, педагогические и иные задачи, фактически, конструирующим культурную память по модели, решающей задачи внутренней политики того или иного государства. Проблема, конечно же, состоит в том, что прошлое в современной мемориальной культуре присутствует как в форме исторической науки, так и в форме различных дискурсов памяти, частью которых является и осмысление культурных травм. При этом для успешного развития дискурсов памяти уже недостаточно традиционного инструментария исторической науки. Фактически, мы встаем перед проблемой: в рамках какого дискурса должен быть исследован и представлен в культуре травматогенный опыт прошлого: исторического, правового политического или гражданского (социально-этического). Конечно же, современные инстанции памяти, в частности, «институты национальной памяти» претендуют на равноправное присутствие во всех указанных дискурсах, однако обоснованность подобных претензий еще должна быть обоснована. Музей, таким образом, становится механизмом негации, активного отрицания иных политических и культурных позиций. Музей, как и любой политический проект, предполагает единственно возможную, политически целесообразную точку зрения на прошлое, формируя культурную память индивидов в соответствии с политическими задачами, в частности, с задачами мемориальной политики. Такая память не предполагает научной дискуссии, поэтому музей является инструментом вытеснения тех фактов, которые дают повод для нее.

И об этом также пишет Алейда Ассман [2], говоря о том, что историческое знание отказывается от абсолютизации идеалов исторической науки в пользу так называемой мемориальной парадигмы. Мемориальная парадигма, то есть практики познания, связанные с культурной памятью и культурной травмой в частности, представляют собой иную форму обращения с прошлым, уже не научно-историческую. Точнее, если какая-либо научная дисциплина и необходима для понимания прошлого и обращения с полученным знанием, то в качестве таковой будет выступать уже не ис-

тория. Проблематизация культурной травмы в пространстве музея говорит уже не столько об истории, сколько об ответственности за события прошлого, что делает обоснованным их рассмотрение в качестве источника травматического опыта и уместным этический дискурс в целом.

По этой причине мы и говорим о культурной разметке: факты, претендующие на то, чтобы репрезентировать культурную травму в экспозиции любого, в том числе и партиципаторного, музея подвержены селекции и отбору, на основании чего они могут оказаться как в музейном пространстве, так и за его границами. При этом музей активно воспроизводит рамки памяти, формируя зоны умолчания, которые заключают в себя те факты и нарративы, не вписывающиеся в текущую мемориальную политику. Таким образом можно сделать вывод о том, что стратегии репрезентации культурной травмы демонстрируют однородность пространства конструируемой культурной памяти и пространства партиципаторного музея. Это явление абсолютно новое, поскольку в музее традиционного типа музейное пространство организовывалось в соответствии с правилами, установленным научным, прежде всего, историческим, знанием.

Подведем краткие итоги нашего исследования. Партиципаторный музей иначе ставит проблему в коммуникации, точнее, он ставит ее несколько в других категориях. Если традиционный музей транслирует знание, некий нарратив как часть той или иной научной или идеологической системы, коммуникация в партиципаторном музее сводится к трансляции высказывания, зачастую неартикулированного и, зачастую, не являющегося научно обоснованным, но относящимся к этическому дискурсу. Таким образом, партиципаторный музей – это инструмент, предназначенный для четкой артикуляции и трансляции целого ряда высказываний, связанных, в частности, с репрезентацией культурных травм и циркулирующих в дискурсе этически-окрашенной политики. Именно соучастие предлагает разделить посетителю сделать его ближе к тем ценностям, которые продвигаются организаторами музея.

Это очень важное для музейных работников замечание. Они иногда склонны рассматривать концепты «новой музеологии», в частности, партиципаторный музей, как некие музейно-технологические программы. Но на самом-то деле это программы политические, связанные с политическими проектами, а именно, с мемориальной культурой и новыми идентичностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 328 с.

2. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
3. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.
4. Саймон Н. Партиципаторный музей. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 368 с.
5. Smelser, N. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, 2004. pp. 31–59.

TRANSLIT

1. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. – 328 s.
2. Assman A. Raspalas' svjaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima moderna. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. – 272 s.
3. Bordjugov G.A. «Vojny pamjati» na postsovetском prostranstve. M.: AIRO-XXI, 2011. – 256 s.
4. Sajmon N. Participatornyj muzej. M.: Ad Marginem Press, 2017. – 368 s.
5. Smelser, N. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, 2004. pp. 31–59